

«Гёте, созерцающий, Шиллер, осмысливающий, и Рудольф Штайнер, соединяющий»

*Аннотация-размышление к статье Рудольфа Штайнера
«Гёте, созерцающий, и Шиллер, осмысливающий» (ГА 36)*

*Алексей Жилов,
16 января 2020 г.*

Небольшая статья Рудольфа Штайнера в журнале «Das Goetheanum» о двух гениях веймарского классицизма является как бы эскизной зарисовкой дружбы и совместного духовного творчества Гёте и Шиллера. В то же время это краткое рассмотрение может служить побуждением к тому, чтобы, приведя мысль в движение, увидеть взаимосвязи и взаимодействие огромных пластов самых различных аспектов: эволюционного, исторического, художественного, философского и теоретико-познавательного, духовно-научного, **социального**, биографического. Тем самым открывается возможность высветить перед мысленным взором картину эволюции человечества, современный этап развития которого нашёл в тот период своё выражение в жизни и дружбе двух классиков. Для этого нужно лишь потянуть за невидимые нити, связывающие различные области бытия.

В статье Рудольфа Штайнера Гёте и Шиллер изначально предстают перед нами как две индивидуальности с противоположными мировоззрениями, между которыми нет никакого перехода. Да и на жизненном пути этого перехода долго не возникало, Гёте какое-то время даже сознательно избегал знакомства и встреч с Шиллером, не видя возможности навести мосты: «*О сближении нечего было и думать*», — пишет Гёте в своей заметке «Счастлирое событие».

Указание на эти два мировоззрения и то, как они переживаются человеком, мы можем найти у Рудольфа Штайнера в его «Философии свободы». В главе «Основное побуждение к науке» он пишет:

«Преобладание того, что мы ищем в вещах, над тем, что нам дано в них непосредственно, раскалывает всё наше существо на две части; мы приходим к осознанию нашей противоположности миру. Мы противопоставляем себя миру как самостоятельное существо. Вселенная является нам в двух противоположностях: „я“ и мир.

Эту границу между собой и миром мы воздвигаем, как только в нас вспыхивает сознание. Но мы никогда не теряем чувства, что мы всё же принадлежим миру, что существует связь, соединяющая нас с ним, что мы представляем собой существо не вне, а внутри Вселенной.

Это чувство вызывает стремление преодолеть [возникающую] противоположность, перекинуть через неё мост. И в преодолении этой противоположности состоит, в конечном счете, всё духовное стремление человечества. История духовной жизни есть постоянное искание единства между нами и миром».

Осознание противоположности миру и одновременно чувство единства с ним — вот что живёт по сути в настоящее время во всём человечестве, в глубоких подосновах существа каждого человека как два основных переживания: в мышлении — осознание противоположности, в чувствовании — ощущение единства.

Так и Гёте и Шиллер живут как бы по разные стороны баррикад в своих мировоззрениях, оказываясь каждый представителем, выразителем одного из них. Гёте не только не теряет чувства принадлежности и связности с миром, но и изживает это чувство во всём образе своего мышления, в образе действий. Шиллер же находится на другой стороне, — там, где особо остро переживается эта граница и неспособность её преодолеть, «заверенная» философской печатью Канта. Вместе с тем Гёте, живя «в мире», внутри мира, переживая себя «*со своим духов-*

ным содержанием стоящим внутри природы», не осознаёт, **как** он переходит эту границу, и, соответственно, не ощущает и самой проблемы. Он действует как человек, живущий в единстве с миром, но в его сознание не входит, каким образом приходит он к этому единству: обретая его, Гёте в некотором роде теряет на этом пути самого себя. В то же время Гёте остро переживает, что другие люди, стоящие по ту сторону границы, не могут его понять. А этих «других» в ту пору было — ни много ни мало всё человечество! Гёте оказывается первым человеком новой эпохи, открыто сделавшим шаг к восстановлению разорванного единства с миром! Первопроходец, обречённый на переживание одиночества и непонятости остальными, которые пока этот шаг не сделали.

Итак, как же было возможно построить мост между двумя мировоззрениями, между двумя человеческими индивидуальностями? Ответ даёт сама жизнь, которая сводит их лицом к лицу после одной лекции в Обществе естествоиспытателей в Йене в 1794 году (Гёте тогда было сорок пять лет, Шиллеру — тридцать пять). В завязавшемся разговоре Шиллер делится своим впечатлением о лекции, Гёте развивает его мысль и в ответ на вопрос Шиллера обрисовывает ему своё прарастение. Тот возражает, что это не настоящий опыт, но всего лишь идея. Так в результате небольшого разговора они очень быстро оказываются каждый на своей стороне баррикады, упорно их защищая. Гёте позже вспоминал: *«Мы сражались не жалея сил, потом наступало перемирие; ни один из нас не мог считать себя победителем, так как каждый был уверен, что его одолеть невозможно»*. Примечательно, что в ходе той беседы Гёте оказался — как бы естественным образом, само собой, — в доме у Шиллера, куда тот пригласил его войти: *«Первый шаг тем не менее был сделан. Притягательной силы в Шиллере было предостаточно, он крепко держал тех, кто к нему однажды приблизился...»*. Разве не переживается в развитии этого эпизода вся красота и величие замысла судьбы, «устроившей» это «счастливое событие»?! Это могло бы быть темой большого биографического исследования...

В ходе всё углубляющейся дружбы Шиллер поступает как настоящий учёный: в самоотверженном устремлении к истине он находит в себе потребность и силы вжиться в тот способ, которым Гёте смотрит на мир. Можно сказать, что согласование двух мировоззрений происходит благодаря доброй воле их носителей. Внешне видимый «первый шаг» делает Шиллер: своим духовным взором смотрит он на Гёте, не отступая от этого пути, даже когда проходит через сомнения. Неотрывно дух Шиллера взирает на дух Гёте, наблюдая его род и способ духовного действия: *«Давно уже, хотя и с некоторого отдаления, слежу я за движением Вашего духа...»*¹. Дух смотрит на дух! И тем самым пробуждает самого Гёте к проблеме, стоящей в действительности перед всем человечеством в его современном периоде развития. Гёте пишет: *«После такого счастливого начала в продолжение десяти лет нашего общения с Шиллером мало-помалу развивались философские задатки моей натуры»*.

Бесценный вклад в понимание происходящего вносит Рудольф Штайнер в своей работе «Основные линии теории познания мировоззрения Гете с особым вниманием к Шиллеру» (GA 2). Приписка в названии книги «с особым вниманием к Шиллеру» совсем неслучайна, и основательная проработка её смысла даёт ключи к более глубокому пониманию проблемы. Итак, чем же оправдано такое «особое внимание», при чём здесь вообще Шиллер, если речь идёт о мировоззрении Гёте? Во второй главе этой книги — «Наука Гёте по методу Шиллера» — Рудольф Штайнер пишет: *«...Мы называем наши изыскания построенными на фундаменте Гёте-Шиллеровского мировоззрения. Они ставят себе целью рассмотреть научное мышление Гёте согласно методу, образец которого дал нам Шиллер. Взор Гёте был обращен на природу и на жизнь, и способ наблюдения, которому он при этом следовал, послужит предметом (содержанием) для нашего исследования; взор Шиллера был обращен на дух Гёте, и способ наблюдения, которому он при этом следует, послужит идеалом нашего метода»*. Гёте смотрит на мир, Шиллер смотрит на смотрящего на мир Гёте; способ наблюдения одного становится предметом исследования, а способ наблюдения второго служит идеалом метода исследования.

---

¹ Цитата из письма Шиллера к Гёте от 23 августа 1794 года (№4), после которого начавшееся сближение быстро переросло в близкие отношения.

Рудольф Штайнер смотрит на них и видит обоих одновременно, и через это приводит к синтезу два противоположных мировоззрения и впервые в ходе исторического развития человечества реализует **в одном человеке** и на современной научной основе «*духовное стремление человечества*» к постоянному исканию «*единства между нами и миром*». То, что сперва на практике осуществляется совместными усилиями **двух разных людей**, — Гёте и Шиллера, — теперь целиком осуществляется и описывается **одним**, в полном присутствии духа и ясного бодрственного сознания, что и является настоящей текущей эволюционной задачей для современного человечества: **соединение** «созерцающего» и «осмысливающего» **каждым** человеком в самом себе.

Надо сказать, что этот первый «один» оказывается ещё более одинок и не понят, чем Гёте в своё время. И как нельзя точнее и пронзительнее звучат его слова: «...*Если человек выступает от лица истины, то поначалу он имеет против себя все человечество. Истина должна, даже если к ней не проявляют никакого интереса, завоевать себе место. Вот почему в действительности ничто так сильно не ненавидят, как Истину, неприкрашенную Истину*»². Принесённая Рудольфом Штайнером всему человечеству истина о его же собственных, человечества, подлинных потребностях и задачах находит поначалу отклик в сердцах лишь тех немногих, кто способен выдержать эту истину. Впрочем, так бывает всегда, истина «*должна завоевать себе место*»...

Дружба Гёте и Шиллера имеет за собой и очень важное социальное последствие, указывающее нам направление в сегодняшней ситуации. Можно сказать, что в настоящее время каждый человек стоит в мире отдельно со своим собственным мировоззрением. Как индивидуальности мы все противостояим сегодня друг другу, нет двух людей с полностью совпадающими взглядами на мир. Как же возможно при всей нашей разности приходиться к согласию, к примирению? Прообраз этого как раз дан в том, как развивались отношения Гёте и Шиллера. Шиллер имел волю к тому, чтобы освоиться в способе воззрения Гёте, стремился понять его: «*К подобному воззрению Шиллеру пришлось пробиваться. Он сделал это; и благодаря этому его душевная общность с Гёте была поставлена на надлежащую основу*». Шиллер «пробивается» к способу воззрения Гёте: трудный путь, полный терний, ведь для этого нужно прежде всего перестать держаться за своё собственное воззрение и полностью отдаться воздействию духовного склада другого человека. Но и награда немалая — возникшая «душевная общность» (Seelengemeinschaft) с Гёте. Этим жестом Шиллера создаются условия и для Гёте — для его раскрытия, для шага навстречу: «*Гёте со своей стороны приблизился к Шиллеру через то, что тот дал ему мыслительное оправдание его духовного склада*». Конечно, в действительности они оба одновременно начали движение навстречу друг другу, почувствовав и пережив друг в друге духовное родство. В результате две индивидуальности приходят к согласию и взаимопониманию, а их союз становится одним из прекраснейших примеров подлинно человеческой дружбы³.

Можно увидеть, что основополагающим жестом на пути к примирению является понимание — индивидуальная духовная деятельность ясного сознания, выводящая на свет истину как таковую, не украшенную бантиками симпатий и антипатий. Примиряет и исцеляет в конечном счёте истина, когда снимается вопрос о том, чьё мировоззрение вернее, и остаётся единственный вопрос: что есть истина? И тогда на неё можно смотреть вместе.

Этим намечается и ход развития человечества на пути к будущему братству: через примирение отдельных мировоззрений в единой Истине. В действительности эта потребность в братстве, в понимании ближнего, в сострадании и любви к ближнему, в духовном родстве живёт в глубинах существа каждого человека — и на Земле, и на небесах. И это есть истина.

² GA 254, лекция №5, 18 октября 1915 г.

³ Примечательна цитата из книги Иоганна Петера Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни», где Гёте, высказываясь об отношениях с Якоби, говорит: «*Ко мне он относился довольно своеобразно, — любил меня как человека, но не разделял моих устремлений, более того, не одобрял их. Посему и связывала нас только дружба. Напротив, мои отношения с Шиллером складывались так исключительно именно потому, что общие устремления были для нас наилучшим связующим звеном, а в так называемой дружбе мы оба не нуждались*».